

ходящей до болезненности», — написал по поводу этого стихотворения критик А.В. Дружинин. Внутреннее напряжение героя звенит натянутой струной в жужжании пчёл, которые, по словам А.Тархова, символизируют «ту “страстную чувственность”, которую отмечала критика в фетовской поэзии среди других характерных черт». Замкнутого пространства сада становится недостаточно для этого переизбытка чувств, поэтому лирический герой хочет очутиться «на воле». И беглость упоминания леса — кажущаяся: в конце стихотворения приютом пчёлам служит уже не садовая сирень, как в начале, а лесная черёмуха. Томление, связанное с образом пчёл, переносит поэта из сада в лес, где он надеется расстаться со своей тоской, но пчёлы сопровождают его так же неизменно, как сердечный жар.

В другом стихотворении («Солнце ниже лучами в отвес...») поэт обращается к лесу, мечтая «сладко вздохнуть» в единстве с природной стихией:

Чтоб и я в этом море исчез,  
Потонул в той душистой тени,  
Что раскинул твой пышный навес;  
Распахни мне объятия твои,  
Густолистый, развесистый лес!

Таким образом, лес для поэта — место обретения высшей гармонии, связанное с полным растворением в природном мире.



▲ Е. Поленова. Ромашки

Здесь следует сделать маленькое теоретическое отступление, отметив, что в лирике, как и в эпосе, существует два вида художественного пространства — внешнее и внутреннее (психологическое). Их соотношение у разных поэтов различно, хотя доминирующим является внутреннее, поскольку лирика — прежде всего рассказ о субъективных переживаниях автора. Поэзия Фета своеобразна тем, что в ней эти два вида художественного пространства тяготеют друг к другу почти до неразличения: во всяком случае, границы между ними сильно размыты (в этом Фет является предтечей Пастернака). Но объекты внешнего мира воспринимаются поэтом неодинаково: различна степень их интериоризации. Если мы вернёмся к образам сада и леса, то должны будем отметить, что сад в большей степени принадлежит внешнему, социальному пространству. На его фоне и при его участии разворачивается роман лирического героя, имеющий некий, пусть лирический, но сюжет. В саду ещё существует фабульность. Лес же — не столько внешнее, сколько внутренне пространство и состояние души лирического героя. Это может показаться странным, поскольку сад физически ближе к центру мира, в котором находится герой. Но тут-то как раз и кроется причина: то, что близко, неизбежно обрастает бытовыми, социальными, внешними чертами. Внутреннее стремится к безграничности и безбытности.

Пожалуй, самое известное и характерное «лесное» стихотворение Фета — «Ель рукавом мне тропинку завесила...».

Природное препятствие-завеса уводит лирического героя от обжитого (тропинки) к неведомому. Словопредложение «ветер», повторенное дважды в началах строк, как музыкальный аккорд обрамляет фразу, раскрывающую внутреннее смятение чувств затерянного в лесу лирического героя:

Ветер. В лесу одному  
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —  
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудёт и колышется,  
Листья кружатся у ног.

Интересно, что в ряду слов, передающих ощущения лирического героя, оказывается слово «шумно», которое, по идее, относится к внешнему миру. Но границы уже почти нет. Ветер, шум, кружение, гудение и колыхание существуют как в осеннем лесу, так и в душе поэта. Здесь нам может показаться, что внутреннее состояние человека вызвано состоянием природы. Но это обманчивый ход. Вполне реальный звук охотничьего рога становится в стихотворении любовным зовом, нежным и таинственным приветствием, тревога уступает место счастливому порыву («Мёртвые что мне листья?») — и это уже никак не результат созерцания осеннего пейзажа. Последним словом стихотворения становится слово «ты», которое броса-